Дарья Еремина
Солдат

Дарья Еремина

Солдат

«Автор»
2026

Еремина Д. В.

Солдат / Д. В. Еремина — «Автор», 2026

Я прочел «Колобок». Я предполагаю, с какой целью он был создан, но не понимаю, что заставило его сбежать. В чем смысл побега в никуда? Почему он бравирует перед каждым встречным своим побегом, если осознает, какие средства были на него затрачены и их цену для создателей? Конец логичный. Колобок выполняет свою функцию несмотря на отложенный срок. Но это становится не гордостью, а позором. Ты понимаешь, если конец такой правильный и логичный, то и в начале тоже должна быть какая-то логика. Почему я не вижу ее? Я спросил медсестру, но она засмеялась и не ответила. Мне кажется, она не знает.

© Еремина Д. В., 2026
© Автор, 2026

Дарья Еремина
Солдат

Анне Кириной было тридцать шесть лет. С шестилетним сынишкой они жили в поселке, построенном для сотрудников корпорации «ЖИВОЙ ПРОЕКТ» в паре сотен километров от Москвы. Большинство соседей – бывшие служащие офисов и станций, нянчившие внуков на заслуженной земле. Ее считали дочерью одного из тысяч сотрудников. Они знали, что Анна числится штатным сотрудником ЗАО, но полный список ее обязанностей не совпадал с официальной должностью.

Ей принадлежал крохотный домик с несерьезным участком. Здесь хватило бы места для пары грядок, имей женщина страсть к земледелию. Работа ее состояла в наблюдении и контроле над живыми проектами, находившимися на участках настоящих и бывших служащих на побывке. Это было необсуждаемым условием предоставления надела: одиннадцать месяцев в году обеспечивать жильем, пропитанием и общением отдыхающих на территории поселка живых проектов. Воистину, щедрость корпорации не знала пределов, когда речь шла о ее выгодах.

– Мама! – с террасы раздался детский плач. Анна поднялась с дивана, где за ноутбуком читала новости.

В слезах и расстройстве мальчуган зашел в дом. Анна присела перед ним, осмотрела лицо.

– Они говорят… – всхлипывал малой. – Они говорят…

Подавившись рыданиями, он направился, ведомый матерью, в ванную.

– Давай умоемся, хорошо? – Анна присела на край ванны, сажая сына на колени.

– Они говорят, что мой папа… не человек! – ревел малыш, размазывая сопли и кровь по лицу.

– А подрались из-за чего?

– Я сказал, что они врут!

– Маленький мой, – женщина прижала мальчишку к груди и замолкла.

– Их было четверо! – начал успокаиваться малыш, когда кровь, грязь и сопли были смыты.

– Ты наподдал им?

– Да!

– Значит, не о чем больше плакать?

– Нет… – неуверенно согласился мальчик.

Накормив сына, Анна отправила его на улицу. Лето заканчивалось, нужно было ловить каждый из последних жарких дней. Мальчишка иногда приходил побитый, но с каждым разом перевес сил неуловимо перемещался на его сторону. Анна преподавала русский стиль и по-животному любила бокс. Она обучала сынишку всему, что знает, с тех пор как посадила его на горшок.

Несмотря на последние летние деньки, ей не хотелось выходить на улицу. Сегодня она решила прогулять работу. Душу окутала тоска, какая посещала ее редко, в основном по праздникам. Анна отворила ящик стола и достала несколько писем в большом почтовом конверте. Адресатом значилась она, поле адресанта было пустым. Она знала их все наизусть, но все равно иногда перечитывала. Вынув из первого конверта листок, она забралась с ногами на диван и принялась читать.

03 марта.

Здравствуй, Аня, – на приветствии она всегда усмехалась. Такое простое и банальное, затертое… и неописуемо правильное, пронесшее себя сквозь века пожелание здоровья. Анна улыбнулась.

Я не думал, что решусь написать тебе. И все же начал, но не собираюсь отправлять. Но если ты читаешь эти строки, кто-то это сделал за меня. Твой адрес я написал на конверте. Ты была адресатом. Я не считаю себя вправе сделать это самому…

Вряд ли я могу написать тебе что-то интересное или романтичное. Я не знаю ничего такого, я этому не обучен. Я знаю так мало, что иногда кажется, что своим вниманием я могу оскорбить тебя. Я не думал об этом до того отпуска, не подозревал, как много не знаю. Не знал и не хотел знать. Не видел, что есть что-то большее. И чувствую себя странно теперь, здесь, когда я вернулся, а тут все по-прежнему, а я – другой. Из-за тебя, Аня…

Я не знаю, выдастся ли возможность снова приехать в ваш поселок. Не знаю, будет ли у меня отпуск в следующем году. Не знаю, доживу ли я до следующего года вообще. Раньше я не думал об этом, теперь же мне очень хочется дожить до следующего отпуска, чтобы увидеть тебя снова. Я не знаю, Аня, как тебе объяснить. Я хочу жить, чтобы увидеть тебя вновь, понимаешь?

Я стал осторожен, и это не нравится командиру. Он будто подозревает, что я хочу жить, и ему это не нравится. Скажи мне, разве я не имею на это права? Разве не ради этого тот живой проект, Александр, завоевал нам гражданские права? Ты знаешь, о чем я? Ты слышала об этом? Я вижу, как ты молчишь. Я представляю, как ты смотришь на меня и молчишь. А в глазах у тебя все ответы на все вопросы: заданные и незаданные. Все-все… только имей смелость прочесть их, понять, осознать.

Понимаешь ли ты, почему я лежу здесь, на своей койке, и продавливаю бумагу ручкой, выводя слова, которые ты вряд ли прочтешь? Я чувствовал себя глупо, начиная писать это письмо, теперь этого нет. Ты когда-нибудь делала что-то негласно запрещенное, но при этом ощущая всем телом и сознанием, что права? Что это нужно! Тебе самой или тому, для кого ты это делаешь, что нужно в принципе, отвлеченно ото всего, что это – правильно? Именно это я сейчас ощущаю. Я пишу и чувствую, что живу, что прикасаюсь к тебе сквозь расстояние, разделяющее нас. Расстояние и, возможно, время… И мне становится проще, потому что есть нечто большее, чем «завтра». И мне становится больнее, потому что нечто большее недостижимо, как «вчера». Ты понимаешь, Аня?

Анна медленно опустила голову и закрыла глаза. Сердце душила боль, и сила времени, призванная загладить все раны, была над ней не властна.

– Ты плачешь, мам! – воскликнул мальчишка. Анна не заметила, как он вошел.

– Да, сынок.

– Но… но разве ты не сильная?

– Сильные тоже плачут, родной. Просто об этом знают только самые близкие. Иди ко мне.

Малыш забрался на диван и устроился на коленях матери. Ей очень нужно было прижать его к себе, и так хорошо было от того, что он вернулся домой.

Вечером, после «Спокойной ночи, малыши», Аня компоновала отчет руководству. Хандра уходящего лета не отпускала ее, хотелось выть на луну. Проведав сына, она решила прогуляться по поселку. Августовская ночь была теплой, необыкновенно приятной. Аня дошла до перекрестка и вернулась домой.

Вынув из конверта следующее письмо, она подобрала под себя ноги и начала читать.

14 апреля.

Здравствуй, Аня.

Сегодня выдался прекрасный день. Мы выполнили задачу по захвату контрольной точки и удостоились похвалы. Я все еще жив!

Как же много это стало значить. Я прежде не подозревал, что когда-нибудь смогу испытывать радость от осознания простого факта: я все еще жив.

На меня смотрят как на идиота сейчас, когда я пишу и улыбаюсь. Они думают, что я улыбаюсь себе или бумаге. Они даже не подозревают, что я улыбаюсь тебе. Они не понимают, а я, наоборот, так хорошо их понимаю. Просто у них не было тебя, и нет воспоминаний, и нет надежды, и нет… ничего у них нет, понимаешь? Ничего!

Я как подумаю, что был таким же, одним из тысяч Валетов на одно лицо… мне тошно становится, я не знаю чем это объяснить и мне стыдно это признавать. Я хотел бы…

Анна поднялась, чтобы раздеться и расправить постель. Письма лежали на столе, пронумерованные, аккуратно подписанные, будто школьником. Взяв следующее, она легла и, подбив подушку, начала читать.

26 июня.

Здравствуй, Аня.

Во время передислокации нас подбили, меня немного задело. Ничего серьезного, через месяц я снова буду в форме. А сейчас, здесь, мне не о чем думать, кроме как о тебе. И никто не смотрит на меня как на идиота, когда я пишу. Им здесь не до одного из сотен Валетов.

Знаешь, я на мгновение испугался, думал, конец мне. Ан нет, пронесло. А вот соседнего Валета разнесло в клочья. Интересно, как нас списывают? В запястье чип, а если запястье в кашу и оторвало? Минус один. Просканировать оставшихся и списать недостающего. На самом деле не один, нас много списывают. Когда все на одно лицо и молчаливы как болванки, сложно понять, кто старый, а кто новый. Хотя самых-самых новичков определить несложно. Они как свежая трава, и глаза большие, удивленные, лицо чистое, и рвутся первыми, словно сделаны не из мяса.

Ты понимаешь? Мне кажется, ты не можешь не понимать, ты настоящая…

Тяжело вздохнув, Аня отложила письмо и выключила ночник. Она еще долго не могла уснуть, вспоминая автора читаемых строк. Он пробыл в поселке месяц, весь август. Возможно, потому ей так тягостно в этот месяц? Закрыв глаза, Аня попыталась освободить мысли. Не скоро, но ей удалось уснуть.

С утра из дома они вышли вместе с сыном. Было еще не жарко. На Анне – спортивные шорты, майка и кроссовки. Проходя мимо детской площадки, женщина успела лишь кивнуть на предупреждение: «Я побежал!» Анна шла дальше, украдкой поглядывая за рабицу заборов по сторонам дороги. Через десять минут она вышла к перекрестку. Во все четыре стороны шли такие же улицы с участками, построенными ЗАО. Некоторые пустовали. Практически на всех, кроме еще не сданных в бессрочную аренду, сейчас отдыхали живые проекты. В основном солдаты, но встречались и спасатели, и техники. Для других видов предназначались другие места отдыха. Но всегда это были схожие поселки, раскиданные по всему миру.

Повернув направо, через минуту Анна остановилась на границе огромного поля, огороженного той же рабицей, но вдвое выше обычного. Здесь были турники, футбольное поле и двухэтажное здание с крытым бассейном, спортивным залом, тренажерами, игровым залом, стрельбищем и душевыми. Здесь же, как ни странно, размещалась администрация поселка.

Анна числилась тренером со свободным графиком. Раньше она вела зарядку по утрам, но вскоре поняла, что это необязательно. Достаточно было составить график для находящихся на побывке солдат, и ответственный за утреннюю разминку живой проект безропотно начинал

занятия ровно в семь. Это было обязательным для солдат. Не было ни единого случая неявки. Зачастую к ним присоединялись и другие виды живых проектов.

Сейчас было около десяти. На поле играли в футбол. Несколько человек следили за игрой с лавочек. Заметившие ее появление поднимали руку в приветствии или кивали. Направившись к турникам, Анна занялась собственной разминкой. Это должно занять минут пятнадцать, после чего она привычно организует спарринг-группу из желающих и обязательно поборется сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.